

ББК 63.442.6(253.3)

*О.С. Шерстобитова***Урочище Темеряк: особенности распределения, хронология и культурная специфика археологического материала позднебронзовых поселений***

Ключевые слова: археология, эпоха поздней бронзы, Среднее Прииртышье, сузгунская культура, ирменская культура, взаимодействие, керамика, орнамент.

Key words: archeology, late bronze epoch, Average Irtysh, Suzgun culture, Irmen culture, interaction, ceramics, an ornament.

Выявление горизонтальных и вертикальных связей, локальной специфики заселения отдельных территорий способствуют решению целого ряда насущных задач археологии, среди которых – установление/уточнение границ распространения культуры/культурного типа, выявление форм, степени, механизмов и моделей взаимодействия культур и итогов такого взаимодействия, а также оценка интенсивности освоения конкретной территории носителями разных культурных традиций. Данная работа основана на анализе материалов эпохи поздней бронзы в пределах урочища Темеряк, представленными керамическими коллекциями сузгунской и ирменской культур.

Урочище Темеряк (Муромцевский район Омской области) находится на останце первой надпойменной террасы правого берега Иртыша. Длина останца составляет 8-10 км, ширина – 0,8–1,5 км, высота над поймой – 8 м. В начале 1990-х гг. в процессе археологических разведок здесь было обнаружено около 40 памятников различных культур и эпох [1; 2, с. 87–89, рис. 11], в том числе послуживших основой для написания этой работы позднебронзовые поселения Алексеевка XXI [3], Алексеевка I** и городище Алексеевка XIX.

Подавляющая часть посуды городища Алексеевка XIX имеет сузгунский облик, часто – с преобладанием пахомовских черт (рис. 1 – 1, 4, 9; 2–15). Пахомовские и сузгунские древности целесообразно рассматривать в рамках единого культурного горизонта, что обусловлено их едиными (в широком смысле слова – андро-

новскими) генетическими истоками. Явное сходство ряда орнаментальных канонов обеих традиций позволяет воспринимать пахомовскую культуру в качестве раннего этапа сузгунской [4, с. 12; 4, с. 84]. Как представляется, такое объединение обуславливается не столько гносеологическими потребностями, сколько культурологическими реалиями.

В зависимости от преобладания той или иной орнаментации керамическая коллекция Алексеевки XIX условно делится на «геометрическую» и монотонную. Основной геометризм сузгунской посуде придают различные композиции ленточных орнаментов (рис. 2 – 5), при этом, в отличие от канонов пахомовской орнаментики, геометрические орнаменты на тулове сосуда сочетаются с весьма «монотонными» узорами на шейке и плечиках (рис. 1 – 7, 11). Принято считать, что особая «нарядность» сузгунской керамики проявляется исключительно в геометрических группах. Тем не менее следует отметить, что сосуды, отнесенные к «монотонной» группе, подчас выглядят не менее «нарядно». В первую очередь обозначенную «нарядность» обеспечивают такие характерные сузгунские элементы, как «скоба» (рис. 2 – 30) и «уголок» (рис. 2 – 29), часто – в сочетании друг с другом (рис. 1 – 16). В качестве сопутствующих элементов используются «елочные» мотивы (рис. 2 – 21), прямо поставленные и наклонные оттиски штампа (рис. 2 – 13, 14), образующие между собой различного рода сочетания (рис. 1 – 10; 2 – 8–12). Следует отметить интересную орнаментальную деталь на сузгунской посуде Алексеевки XIX, связанную в ряде случаев с наличием двух широких желобков в основании шейки, формирующих подобие валика, украшенного «елочным» орнаментом (рис. 1 – 3, 11, 16, 18). Широкие желобки и валики, украшенные «елочкой», можно считать признаком сузгунской керамики на доирменском этапе ее существования либо на памятниках, по каким-то (возможно, хронологическим) причинам существовавших вне ирменского влияния. Косвенно на это указывает отсутствие подобного орнамента на посуде тех памятников, где наравне с сузгунской в небольшом количестве присутствует ирменская традиция.

Кроме широких, на посуде поселения известны узкие прочерченные желобки, чаще сгруппированные по три-четыре и всегда расположенные в зоне перехода от шейки к плечикам (рис. 1 – 2, 5, 6). Несмотря на немногочисленность коллекции, описанная керамика органично дополняет базу данных по позднебронзо-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-67107 а/Т «Этнокультурная история Среднего Прииртышья во второй половине II – начале I тыс. до н.э.».

** Позднебронзовое поселение Алексеевка I было обнаружено в результате раскопок одноименного курганного могильника, располагавшегося непосредственно на поселенческом культурном слое. Индивидуального номера поселения не получило, но учитывая малое и не осложненное какими-либо естественными преградами расстояние между крайними исследованными участками поселений Алексеевка I и XXI (не более 60 м), мы склонны рассматривать оба памятника в качестве единого поселенческого комплекса.

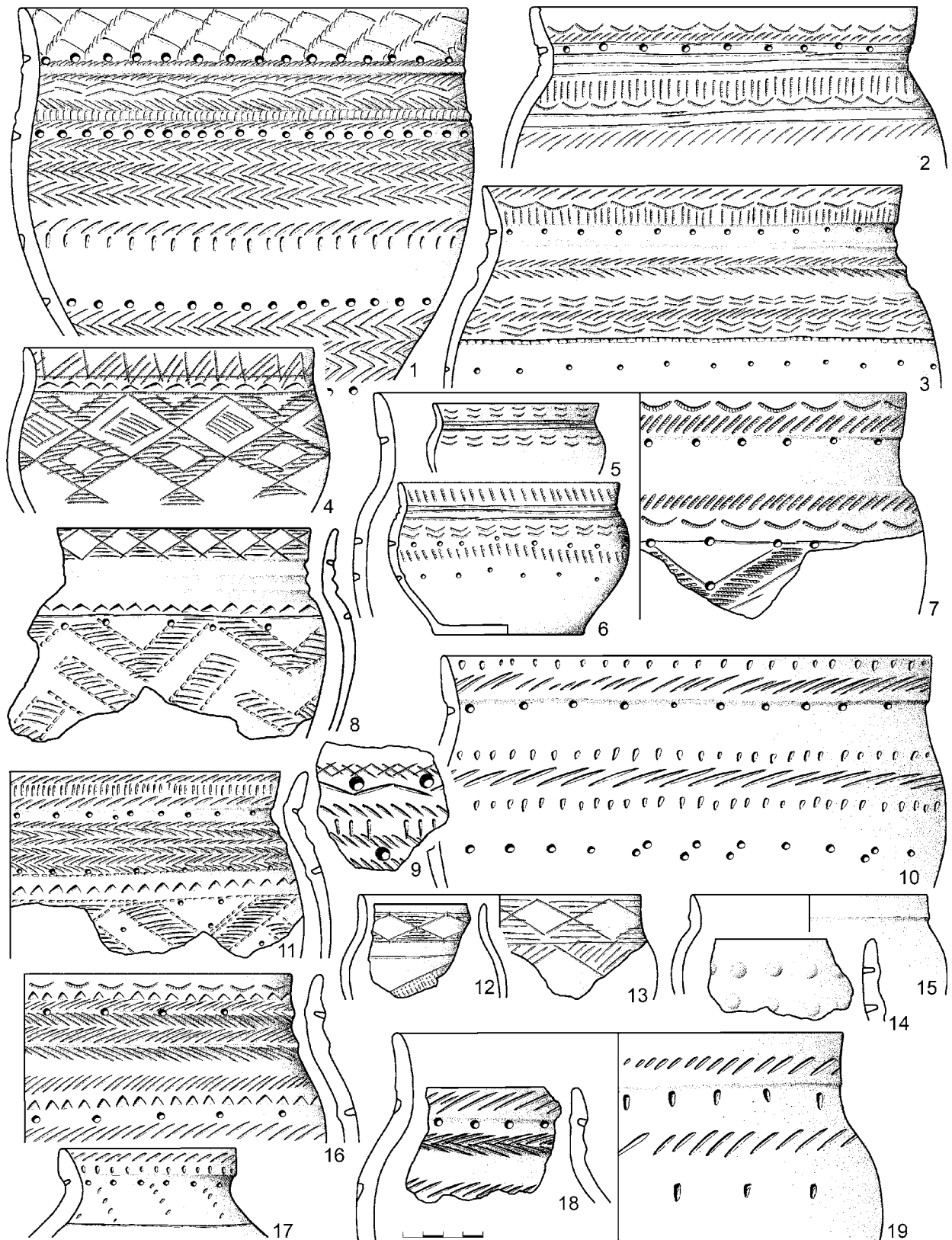

Рис. 1. Керамика эпохи поздней бронзы урочища Темеряк в Среднем Прииртышье.
1-11, 15-19 – городище Алексеевка XIX; 12-14 – поселение Алексеевка I

Рис. 2. Статистическая характеристика орнаментации сузгунской керамики поселений Алексеевка I, XXI и городища Алексеевка XIX, %

вым памятникам Среднего Прииртышья и находит полные аналогии в известных пахомовских и сузгунских комплексах на этой территории.

Особенностью керамической коллекции Алексеевки XIX является практически полное отсутствие ирменской посуды в позднебронзовом поселенческом слое (обнаружены фрагменты всего от 9 сосудов ирменского облика, происходящих с территории памятника). Коллекция представлена «геометрическими», «монотонными» и неорнаментированными (рис. 1 – 15) сосудами.

В лесостепном и в предтаежном Прииртышье существуют наглядные свидетельства весьма интенсивного сосуществования на позднебронзовых памятниках сузгунской и ирменской традиций (Сибирская Саргатка I, Черноозерье VIII [5, с. 82, рис. 5–7, 6–5], Надеждинка IV/V). Основным свидетельством этого процесса являются смешанные типы керамики, на которых в разной степени представлены как сузгунские, так и ирменские орнаментальные модели [6–7]. Применительно к Алексеевке XIX о явных следах взаимодействия говорить не приходится. Среди всего керамического комплекса выделяются лишь несколько сосудов, которые можно отнести к смешанной группе керамики. Смещение черт проявляется в сузгунской манере оформления кувшинообразных (ирменских) сосудов (рис. 1 – 17), в наличии ирменского «жемчуга» и фестонов (рис. 3 – 8) на посуде с характерными

сузгунскими узорами, а также в не менее интересном сочетании ирменских штрихованных треугольников на шейке с оформлением плечиков и тулова сосуда в манере классического сузгунского геометризма (рис. 1 – 8). Крайняя малочисленность и сильная фрагментация большей части ирменской посуды скорее свидетельствует о каких-то недолговременных контактах сузгунской и ирменской культур в пределах городища, но не об их интенсивном взаимодействии.

Однако о том, что на урочище Темеряк сузгунско-ирменское взаимодействие все же имело место, свидетельствуют ирменские и смешанные группы посуды, обнаруженные на соседних поселениях – Алексеевка XXI [3, рис. 8, 9] и Алексеевка I (рис. 1 – 12, 13; 3 – 1, 16). В отличие от Алексеевки XIX, ирменская керамика на Алексеевке I и XXI в среднем составляет не менее 35%. Посуда представлена всеми характерными группами и подгруппами, описание которым уже дано в литературе [3]. Как и на Алексеевке XIX, на посуде Алексеевки I присутствуют все «классические» элементы сузгунской орнаментаики (рис. 2): прямо поставленные отпечатки штампа (рис. 3 – 6, 7, 11), «скоба» (рис. 3 – 4, 9) и уголкового вдавления (рис. 3 – 1, 7, 12). В качестве разделителя орнаментальных зон используются лунки и ямки (рис. 2 – 23, 24), прочерченные линии и желобки (рис. 2 – 26, 27). Чаще всего ямки образуют горизонтальные линии, иногда – располагаются в шахматном порядке (рис. 3 – 3, 10). Ямки

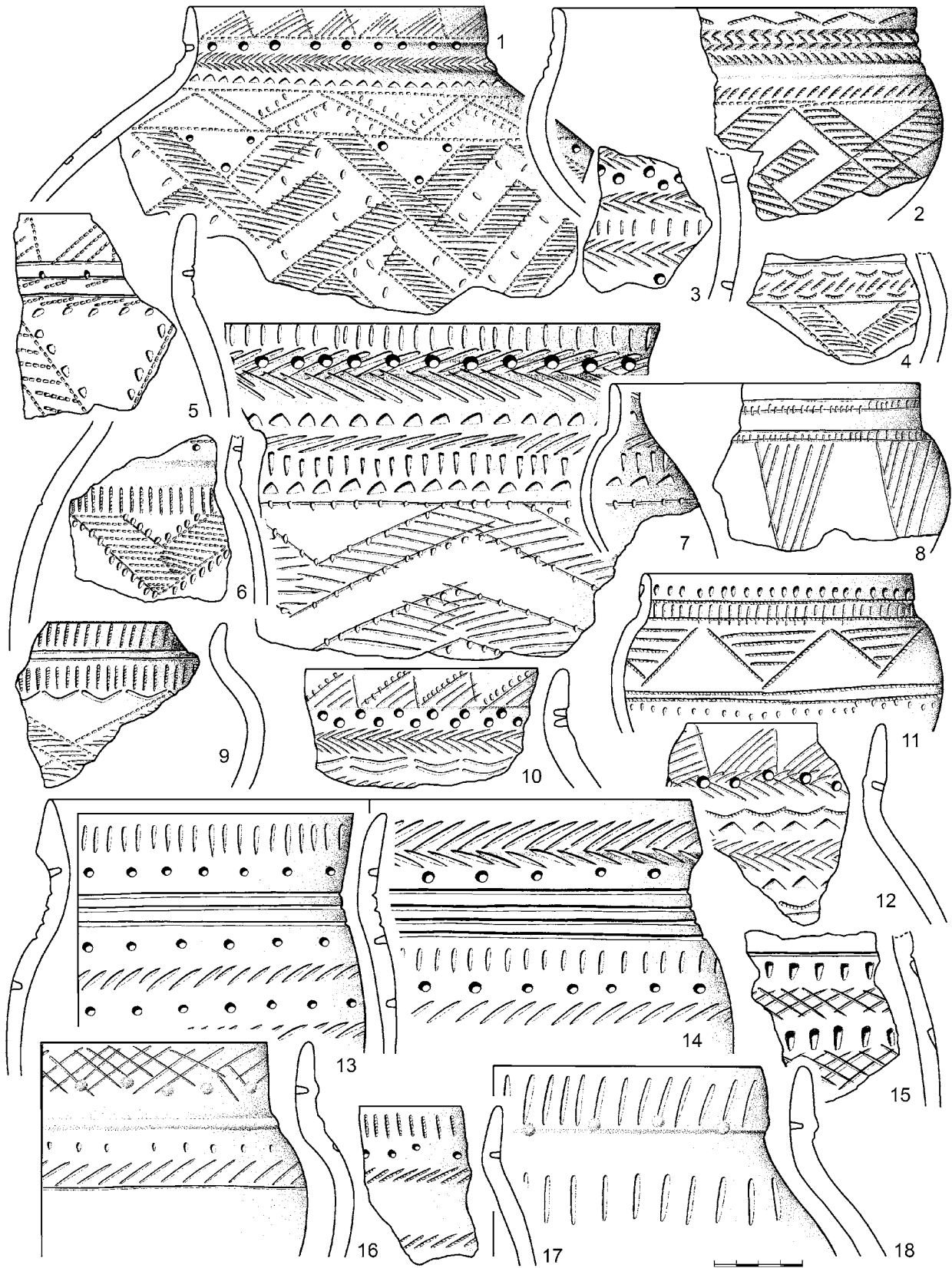

Рис. 3. Керамика эпохи поздней бронзы урочища Темеряк в Среднем Прииртышье.
1–14, 16–18 – поселение Алексеевка I; 15 – городище Алексеевка XIX

присутствуют более чем на половине сузгунских сосудов и являются отличительной особенностью позднебронзовой керамики Прииртышья. Отличительной чертой части сузгунской посуды Алексеевки I, XXI является размещение на тулове сложных геометрических ленточных орнаментов, при этом ленточный узор также может быть дополнительно оконтурен «бахромой» (рис. 3 – 1, 2, 4–6, 9). Следует согласиться, что наличие «бахромы», обрамляющей геометрические мотивы, является одним из индикаторных признаков пахомовской (раннесузгунской) керамики [8, с. 11]. Наряду с реминисценциями «ковровых» орнаментов на тулове, оформление шейки косыми треугольниками (рис. 3 – 1, 5, 12) и использование «бахромы» генетически восходят к федоровской орнаментальной традиции.

Описанные особенности керамики позволяют поставить вопрос не только о специфике взаимодействия позднебронзовых культур, но и об относительной хронологической позиции памятников. Учитывая наличие в слое Алексеевки XIX посуды пахомовского (раннесузгунского) облика, а также ряд «архаичных» черт собственно сузгунской керамики, можно предположить более ранний, еще не тронутый ирменскими проникновениями возраст сузгунских древностей на памятнике. Если учесть мнение В.И. Стефанова и А.Я. Труфанова о Приобских (быстровских) истоках проникновения в Среднее Прииртышье «карасукоидных» (ирменских) компонентов [5, с. 85], то, вероятно, верхняя хронологическая граница существования позднебронзового пахомовско-сузгунского поселенческого слоя может относиться к XI–X вв. до н.э. Статистический анализ сузгунской посуды выявил примерно равное соотношение основных (*индикаторных*) элементов орнамента между материалами поселений (рис. 2 – 5, 12, 13, 21, 23, 24, 29, 30), что указывает на культурную целостность и относительно синхронное существование основной массы сузгунской посуды между поселениями (включая посуду с пахомовскими чертами). Иными словами, все три поселенческих памятника на каком-то этапе существовали синхронно, однако далее судьба позднебронзовых древностей в пределах урочища могла развиваться как минимум в двух направлениях:

1) Алексеевка I, XXI «переживает» Алексеевку XIX, что подтверждается не только довольно значительным ирменским пластом, но и представительными сериями смешанной сузгунско-ирменской посуды;

2) распространение ирменской традиции в пределах урочища Темеряк было не равномерным и захватило лишь какие-то отдельные участки, в то время как периферийная территория Алексеевки XIX оказалась вне этого процесса.

Нельзя также исключать сосуществование обоих вариантов развития позднебронзовых древностей в пределах урочища.

Распределение материала внутри Алексеевки I, XXI тоже неравномерно. В отличие от Алексеевки XXI, среди позднебронзового слоя Алексеевки-I имеется коллекция посуды, по своим морфологическим характеристикам сопоставимая с посудой красноозерского облика («крестового» и смешанного типов) [7]. Наличие посуды красноозерского облика лишь на отдельной части поселения также может быть обусловлено причинами, указанными выше, однако более резонно рассматривать вариант чересполосного сосуществования на определенном хронологическом этапе всех перечисленных традиций эпохи поздней бронзы в пределах урочища Темеряк. В пользу этого могут свидетельствовать обнаруженные экземпляры позднесузгунской*** (рис. 1 – 19; 2 – 18) и позднеирменской (предсаргатского облика) посуды [3, рис. 9 – 1] (рис. 1 – 14). Установленная синхронность позднесузгунской и «крестовой» керамики позволяет соотнести это со временем проникновения в Прииртышье носителей последней (не позднее IX в. до н.э.) [9, с. 74]. Анализ материала исследованных памятников показывает, что на этом этапе развитие позднебронзовых древностей на Алексеевке I, XXI прекращается, возобновляясь на территории городища Алексеевка XIX. Здесь обнаружено жилище и довольно представительный комплекс посуды классического красноозерского (инберенского) облика, по аналогии с другими памятниками датируемого VII–VI вв. до н.э. [10].

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что изначально (XI–X вв. до н.э.) все три упомянутых памятника функционировали синхронно, что подтверждается наличием в их слое небольших серий керамики пахомовского (раннесузгунского) облика, а также собственно сузгунской посуды, весьма схожей по процентному соотношению элементов орнамента между памятниками. Далее развитие позднебронзовых древностей теряет свою целостность (X–IX вв. до н.э.), что выражается в неравномерном распределении керамики ирменского облика между исследованными памятниками, а также в наличии посуды красноозерского («крестового» и смешанного типов) лишь на отдельной территории внутри памятника (Алексеевка I). В VII–VI вв. до н.э. вновь заселяется территория городища Алексеевка XIX, которую освоили носители красноозерской (инберенской) традиции. Судя по археологическому материалу, к этому времени Алексеевка I, XXI пре-

*** Позднесузгунская керамика была выделена и охарактеризована А.Я. Труфановым по материалам памятника Хутор-Бор I в южнотаежном Прииртышье. Ее специфика, в сравнении с собственно сузгунской, заключалась в полном отсутствии присущих последней геометрических мотивов андроновского и ирменского происхождения, что, по мнению исследователя, явилось результатом поглощения андронидных компонентов автохтонным населением лесного Прииртышья [9, с. 68–70, рис. 4].

крашают свое существование, вновь заселяясь лишь в эпоху Средневековья, в то время как территория городища Алексеевка XIX продолжала функционировать в эпоху раннего железного века, заселенная носителями кулайской культурной традиции. Таким

образом, располагаясь в пределах одного урочища, позднебронзовые памятники имеют свою специфику, выраженную в особенностях распределения позднебронзового материала, как в рамках отдельного поселения, так и между собой.

Библиографический список

1. Тихонов, С.С. Археологические памятники урочища Темеряк / С.С. Тихонов // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования. – Омск, 1993.
2. Нижнетарский археологический микрорайон / П.В. Большаник, А.В. Жук, В.И. Матющенко и др. – Новосибирск, 2001.
3. Татаурова, Л.В. Алексеевка-XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья / Л.В. Татаурова, А.В. Полеводов, А.Я. Труфанов // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1997.
4. Полеводов, А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Полеводов. – М., 2003.
5. Стефанов, В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье / В.И. Стефанов, А.Я. Труфанов // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск, 1988.
6. Шерстобитова, О.С. К вопросу об особенностях и итогах сузгунско-ирменского взаимодействия на территории Среднего Прииртышья / О.С. Шерстобитова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. 1.
7. Шерстобитова, О.С. Посуда со смешанными культурными признаками: к вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы / О.С. Шерстобитова // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова : материалы Всероссийской научной конференции. – Омск, 2008.
8. Корочкова, О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.Н. Корочкова. – М., 1987.
9. Труфанов, А.Я. Жертвенное место Хутор-Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) / А.Я. Труфанов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск, 1983.
10. Татауров, С.Ф. Городище Алексеевка XIX и некоторые проблемы территориально-хронологического соотношения красноозерских древностей на территории Среднего Прииртышья / С.Ф. Татауров, О.С. Шерстобитова // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул, 2009.